

Все, что сделано — это плохая или хорошая, но чья-то работа... Силы, здоровье, жизни, средства — все напрасно! Поза тщеславия черновыльской земле не нужна. Честнее признать поражение. Временное. И всем миром, не чураясь чужого опыта, сделать заново.

Фото на ПЗРО [1, 2 стр.] сделал Владимир САВРАН.

Чужих с Бураковки видят издалека. На одном из трех работающих в КПП «Бураковка» мониторов — дорога, ведущая к пункту захоронения радиоактивных отходов (ПЗРО). На двух других — небольшие участки обширного хозяйства могильника. На этом бураковскую автоматизацию можно считать исчер-

панной. Не причислять же к достижениям научно-технического прогресса пристроенное между мониторами зеркало — для дополнительного контроля за входной дверью.

Когда-нибудь, лет через тридцать (проектный срок действия этого ПЗРО), вооруженные новейшими технологиями постликви-

даторы попытаются, возможно, вскрыть захоронения РАО, скромно именуемые сегодня литерой «Б», которая расшифровывается на удивление просто: «Бураковка». И, скорее всего, ничего у них не получится. Ибо многослойные пироги-траншеи ПЗРО, таящие в себе немислимую смесь искорененного металла, дерева, с вкраплениями самых невероятных предметов, от косметики и чайных сервизов до боеприпасов, сортировке вряд ли поддадутся. И никто никогда уже не узнает, действительно ли был здесь захоронен дорогостоящий хрусталь, радиоаппаратура и многое другое из местных промтоварных складов. И только в другом месте, ближе к станции — бурты, в которых упрятан «рыжий лес», вдоволь напитков за это время радионуклидами подзамененные воды, еще смогут представить любопытствующему взору нечто однородное: бревна укладывались без вкраплений и добавок. Впрочем, кто знает...

зи Припяти. Укрытая столь же «перспективным» способом промбаза у ЧАЭС, где активность сегодня вылезает наружу, как грибы в лесу после летнего дождика.

Строго говоря, ни одно из захоронений РАО в черновыльской зоне нельзя назвать могильником. Потому что все захоронения временные как по технологии, так, тем более, по исполнению. В том числе и высокоактивный «Подлесный», скрывающийся за литерой «П» (Что за страсть у нас камуфлировать все и вся?). Но, как известно, ничего в нашей действительности нет более постоянного, чем временные объекты.

— Сама по себе концепция, например, Бураковки вовсе неплоха, — считает заместитель начальника цеха специальных инженерных работ СП «Комплекс» В. Смирнов. — Хорошо экранированные траншеи, вполне прилично держащие активность. Телеконтроль территории и автоматизированный дозконтроль, робототехника, то есть почти безлюдное про-

А похороненная «под себя» деревня Чистоголовка и дачные поселки вбли-

[Окончание на 2 стр.]

НА БУРАКОВКЕ БЕЗ БУРАКОВ

(Окончание. Начало на 1 стр.)

изводство. Но это так должно быть в идеале. А на самом деле — нищета. Главный порок — отсутствие техники. И это там, где без нее не просто нельзя, а преступно невозможно.

В самом деле, о какой технологической цепочке можно говорить, если нет весовой, нет пресса и объемы РАО измеряются попросту на глазок, если нет сортировки, и в траншею попадает смесь металла, тряпок, дерева, что вообще-то при захоронениях подобного рода недопустимо. Так было сразу после катастрофы, не лучше обстоит дело и сейчас. Если на траншеях (а сейчас уже 15-я и 16-я) работают две (!) единицы техники: трактор и погрузчик. Да и те, как говорится, на ладан дышат — нет запчастей. Чтобы нормально работать по заявкам, ПЗРО требуются, как минимум, двадцать машин для перевозки РАО. Сейчас радиоактивные отходы везут сами заказчики, отсюда масса сложностей с оформлением документов, нет контроля на месте отправки, РАО попадают на Бураковку без сортировки. Механизаторы и «дозики», хоть и прикомандированы к ПЗРО, но относятся к другим подразделениям, где действуют свои инструкции и порядки.

Стороннему взгляду особенно заметна обыденность всего, что делается в зоне. Речь не о горящих в предвкушении подвига глазах и не о целеустремленности в лицах. Все здесь, как и вне ее пределов. Но там работа в заторможенном режиме давно привычна. Здесь — абсурдна. На территории Бураковки строится крытая мойка для машин, привозящих РАО. Строится давно и тягуче неспешно. Несколько не слишком ретивых строителей что-то там делают уж который месяц без заметных сдвигов. Объект-то не горящий.

В один из ясных и солнечных дней нынешнего мягкого октября на Бураковке опять поймали воров. Четверых расхитителей сразу. Все работают в

зоне, о чем свидетельствуют пропуска. Попытались снять детали с и так уже порядком разграбленных автомобилей. Поймала их не охрана (она дежурит только с семи вечера до утра), а работники ПЗРО. Получается, что и «колючка», и телекамеры — преграда эфемерная. А соблазн велик — автозапчасти всегда в дефиците. Даже если и смертоносно «светятся». Вот и исполняют бураковские могильщики (это они сами о себе так мрачно шутят), кроме основных обязанностей, еще и роль охранников. А если грабители, не приведи господь, окажутся вооружены, что в нынешней ситуации отнюдь не фантазия? Ладно, не нашла еще желающие раскопать и унести как сувенир, скажем, кусок теплового элемента, напигованного рентгенами, из высокоактивного могильника «Подлесный». Конечно, это не так просто — там все залито бетоном. Да и охранная сигна-

лизация есть. Насчет твэла — это, конечно, грустная шутка. Но надежная охрана Бураковке, действительно, нужна. Другой вопрос — почему все же воруют детали? Оказывается, нередко это делается, чтобы хоть как-то оснастить запчастями работающую в зоне «грязную» технику. Бураковцы это знают и сами готовы помочь водителям. Но делать это надо централизованно. Дезактивированные детали, пожалуй, вполне могут сгодиться, хотя бы в зоне. Работники ПЗРО сами постоянно сталкиваются с проблемой запчастей для вконец изношенной техники, когда, чтобы хоть один из трех тракторов был на ходу, приходится «раздевать» два других.

Это проблемы технические. Не меньше здесь и чисто человеческих. Некоторые обусловлены географической удаленностью участка. Например, летом частенько на Бураковке ждут не дождутся машин

пылеподавления, а те в это время «моют» центральные улицы Чернобыля. И кружит по площадке песок, поднятый вольным зонным ветром.

Отдаленность создает и другие неудобства. Рабочим, скажем, трудно попасть в сауну, сложно после вахты выбраться в Киев. Многих не устраивает и оплата труда. Пришедшие в зону после 87-го до сих пор не причислены ко второй категории ликвидаторов, хотя работают на захоронении РАО. Возможно, поэтому на Бураковке почти постоянно не хватает людей. Особенно сказывается это в период

рабания. А можно было покрыть огнезащитными средствами. Загрязнение было в пяти-десятисантиметровом слое почвы. Срезать его, погрузить в контейнеры... А мы спихнули все на уровень грунтовых вод.

В зоне примерно при десятке захоронений РАО. Извлечение и простое перезахоронение потребует миллионы рублей. А сколько затрачено?

Львиная доля захоронений сделана армейскими силами. Кто и когда у нас считал деньги налогоплательщиков, содержащих эти самые вооруженные силы?

И все-таки цивилизованные страны даже в экстремальных ситуациях поступают иначе. По данным, опубликованным в нашей печати, атомная авария на Три-Майл-Айленд обошлась США в 130 миллиардов долларов (не наших «деревянных»). Надо учесть, что там, в отличие от нас, не ринулись сразу на взбунтовавшийся атом, а остановились и подумали что и как делать. Но у нас-то хорошая мысль, как водится, приходит с большим опозданием. Впрочем, добрыми намерениями в виде дальних подступов к проекту завода «Вектор» вымощен почти весь трагический путь Чернобыля. Но и сегодня на повестке дня только проект первой очереди производства по переработке РАО. Правда, как раз переработка первой очередью и не предусматривается. Локализация, открытые контейнерные хранилища, экранирование природными сорбентами временных захоронений вроде «рыжего леса».

Опять топтание на месте, полумеры и расчет на потомпередельвание? Почему бы и нет, если этот долгодетный дружный «степ» привычно хорошо оплачивается. По официальным данным, к 1990 году Чернобыль обошелся в десять миллиардов рублей. Честно говоря, эта сумма выглядит явно заниженной.

По законам здравого смысла самым богатым, самым технически оснащенным подразделением НПО «Припять» должно быть СП «Комплекс». Но «блеск и нищета» ПЗРО «Бураковка», не имеющего ни автоматизированного

дозконтроля, ни необходимой, как больному чистый воздух, робототехники, — яркий пример того, что скупо платит многожды. Сегодня коэффициент заполняемости траншей ничтожен по сравнению с желаемым и возможным. Километровые очереди «грязной» техники, дождавшейся своего места в траншеях. Ну а «роботы», как и раньше — биологические, все те же переработчики да механизаторы.

— Теперь ничего, сейчас у нас ограничения, принимаем РАО не «грязнее» одного рентгена, — успокоил переработчик Ю. Головин. — А что было, то давно захоронено.

Уже не один год раздаются откровенные крики, что в одиночку нашей стране (или странам?) чернобыльскую махину не осилить. Да и зона как уникальный научный полигон давно представляет интерес для Франции, США, Японии, Германии. Они готовы платить за аренду своим конкретным участием. Недавно в зоне побывала с деловым визитом группа американских бизнесменов. Богатый Запад, как известно, деньги на ветер, даже горький чернобыльский, не бросает. Если интерес возник, то уж меньше всего из благотворительных целей, хотя и они не исключены. Аренда здешней земли и собственные исследования на ней — это, пожалуй, инвестиции даже не в послезавтрашнюю, а куда более отдаленную по времени науку. Плата за такую аренду — современные технологии и техника. Благо, если хоть толика ее попадет на Бураковку. Но договоры, контракты еще впереди. Трагическая школа Чернобыля имеет право быть межгосударственной и международной.

Все, что сделано — это плохая или хорошая, но чья-то работа, и захоронения РАО в том числе. Силы, здоровье, жизни, средства — все напрасно? Поза тщеславия этой земле не нужна. Честнее признать поражение. Временное. И всем миром, не чураясь чужого опыта, сделать заново. Горький и порочный опыт — тоже опыт.

Ирина СТОРИНА.

